

БГ: ЧЕМ ПЛОХО ПЕТЬ, ЛУЧШЕ БЫ ВЗЯЛИ В РУКИ ЛОПАТУ

Интервью с Борисом Гребенщиковым мы взяли при необычных обстоятельствах. В голом виде. В бане. С девочками и мальчиками. Но ценители нравственности могут не волноваться — ничего ковалевско-сcurатовского не происходило. Просто великий БГ приехал в Тверь, где худрук местного ТЮЗа Лариса Лелянова поставила спектакль на музыку Гребенщикова. Мэтр торжественно прибыл на премьеру. Конечно же, хозяева подсутились — угостили любимого музыканта настоящей русской баней.

Взлц кшрб - 1999 - 17 апр - 95.

— Простите, Борис, сейчас вы раскрыты, обнажены, свободны от одежд и условностей. Мы можем говорить о чем угодно. Но ведь не так давно, пусть пятнадцать лет назад, все было иначе — «Аквариум» под запретом, песни — под замком цензуры, а вы — персона нон-грата в искусстве и музыке.

— Когда нас пинали, я считал, что это не наши проблемы. У «Аквариума» и у меня слушатели всегда были, и когда милиция разогнала наши концерты, то это были ее трудности. Мы же с ней научились бороться. И выжили, как видите.

— Это было в начале 80-х, а чуть раньше в Америке точно так же полицейские стаскивали со сцены знаменитейшего на всю страну Джима Моррисона. За его песни, за то, что он шел не в угоду власти. Параллель верна?

— Не во всем. Американские полицейские не отвинчивали операторам головы. Так что у нас было гораздо драматичнее. Наши операторы побаивались снимать сплошняком всю мерзость, которую с нами вытворяли.

— Милиционеры не ведали, что творили?

— Я их не виню, они выполняли приказ — разгоняли хулиганов. Хулиганами были мы. И стражи порядка не слушали наши объяснения, кто мы такие и о чем наши песни. Им было некогда разбираться, нарушители мы или музыканты. Приказ есть приказ.

— Но ведь его кто-то отдал. Сверху, с вершины власти.

— А мне не важно — кто. По мне хоть Сулов. Я не имел чести быть знакомым с кремлевской мафией, с властями. Никогда с ними не общался. Знаю только одно — в России культурных правителей не было уже лет сто. Те же, кто стоял у кормила, сами были заложниками и рабами этой же власти. Упаси меня Господь от встреч с сильными мира сего! Я видел их лишь издали и у меня не возникло желания выпить с ними стакан водки. У них другие глаза, и я побаиваюсь этих глаз.

— Конечно же, вам ближе те, кто ближе — особи своей группы крови... Как вы воспринимаете нынче Жанну Агузарову, ведь с ней что-то происходит?

— Никак не воспринимаю. Я давно ее не видел. А влезать в ее голову не решаюсь. Я не знаю о чем она думает на самом деле. Поведение ее эксцентрично. Но мне она запомнилась той давнишней, какой она была пятнадцать лет назад. Поэтому, если я с ней встречусь, мы будем говорить как говорили бы тогда.

— А какой вы ее помните? — Абсолютно нормальной девушкой, с очень хорошей хваткой к музыке.

— Долго ли, по-вашему, талантливый человек должен пребывать в своем уме? Может быть, для Жанны пришел рубежный час?

— Такой же вопрос можно задать по отношению к неталантливым людям.

— Но бездари нас мало интересуют.

— Тогда надо говорить о талантливых, не обращая внимания сходят они с колес или нет. Пока человек творит, он творец. Залезать к нему в голову — можно обжечься.

— Мы, обыватели, судим со стороны. Но согласитесь, что люди искусства работают не только для себя, а для общества, для слушателей, зрителей.

— Если так оценивать, то как быть с Чайковским, например? Если бы мы судили его по поведению в быту, он не прошел бы никакие наши худсоветы. И мы бы не знали великого Петра Ильича. Поэтому нельзя отступать от старой выдержанной методы — дайте человеку делать все, что он делает, и не лезьте в его личную жизнь. Когда ему понадобится раскрыть свою душу, он сам объявит об этом.

— Многие поступки, которые вы совершали, были эксцентричны. Хорошо это или плохо?

— Смотря с какой точки зрения смотреть. С точки зрения нормального человека девяносто процентов этих поступков и впрямь

бред. Ну, какой нормальный станет ходить по друзьям и одалживаться на новую пластинку, которую немедленно начнут штамповать пираты? То есть нормальный человек не станет заведомо что-то делать мимо кассы. А я так делаю, «Аквариум» так делает.

— А можно ли сосчитать вашу аудиторию? Скажем, десять процентов от музыкального электората — этого мало?

— Конечно, аудитория гораздо шире. Судя по почтению и уважению, которые оказывают случайные люди на улицах, везде и всюду, нас знают гораздо больше, чем может показаться.

— Говорят, в Америке, где Иосиф Бродский был признан и считался почти классиком, настоящая его аудитория была ограничена количеством экземпляров изданных книг. А тиражи, вы сами знаете, там ничтожны.

— Думаю, что для Бродского это было неважно. Как раз недавно один мой старый приятель, совсем не эстет, говорил, что из всей запрещенной в те годы литературы он знал только Бродского. Ни Солженицына, ни Аксенова, ни Галича... Все было запрещено, но Бродского знали все. Народное признание — великая вещь. Иосиф был гением.

— Борис, вы помните, что такое «ребра»? В свое время они тоже были показателями популярности?

— Да, но я застал их агонию. Начиналась эра магнитофонов и по счастью качество первых записей было чуть выше. А о «ребрах» хорошо помнят любители музыки и песен, что постарше.

— Простите, сколько вам лет? Обеспечила ли ваше благосостояние нынешняя электронная аппаратура? Ведь ваши диски расходятся немалыми тиражами.

— В России у меня нет банковских счетов. Один счет открыт в Лондоне, на нем триста фунтов стерлингов. Все. У меня есть машина, гитара, квартира и дом в деревне, по таллинскому шоссе, в ста километрах от Питера. Мне сорок пять лет и деньги продолжают меня не особо уж волновать. Я

и от них свободен, ибо никогда не был ни в чьей упряжке. Я давно понял, что это возможно.

— А как вы считаете, Элтон Джон, к примеру, состоит в чьей-то упряжке?

— Мне сложно судить, с Элтоном я не знаком. Но знаю других западных музыкантов, и все они также никому не служат. Они делают то, что хотят.

— Как известно, получить полную свободу, делать что хочешь, вы пытались еще в совдеповские времена, каким-то образом смывшись на Запад и выпустив там свою продукцию. Много денег заработали?

— Да, у одного любопытного нью-йоркского джентльмена возникла идея вытащить русского рокера в Америку для записи альбома. В хороших студиях, с хорошими музыкантами. Посмотреть, что из этого выйдет. В результате возникшей дружбы и взаимопонимания я получил удивительный карт-бланш — работать с кем угодно, ибо все оплачивалось. Я радовался, как ребенок — любая желаемая сладость плыла мне прямо в рот. Я купался в сладостях. И этого хочу, и этого... Естественно, когда дается все и сразу, возникают проблемы, непереваримость. Альбом в конце концов вышел, но почти все деньги ушли на прикладные расходы. Но в этот пуля пустился не ради денег. В тот момент в России не было ни черта, кроме игры на стадионах. И если бы я тогда не уехал, мы бы сотворили мощный стадионный «чес» и озолотились бы, наверное. Но слава Богу, что я тогда убрался. Я получил бесценнейший опыт и поимел достаточно денег, чтобы продолжать потом с Чукотки писать новые песни.

— Борис, по-вашему, рок-н-ролл привился, наконец, в России или нет?

— В любой стране свой рок. В Америке один, и американцы считают, что в Англии рок-н-ролла нет и быть не может. А англичане и американцы вместе считают, что рока не может быть в России. Наверное, все правы. Ведь каждой стране присуща своя форма музыки.

— Любопытно, какова же эта форма в России, в Москве? — Буду жестким и скажу, что меня обижает, когда все, кому не лень, берут в руки электрогитару и часто вроде бы талантливые люди начинают хором петь о том, как нам плохо. Считаю, что это совсем не рок-н-ролл. Это называется бабий плач. Когда здоровые мужики кричат о том, как все у нас черно, какая у нас печальная судьба, так и хочется им бросить: если все так плохо, возьмите в руки лопату и помогите России. Вместо того, чтобы плохо петь.

— О том, что не прошла эпоха рок-н-ролла, свидетельствует огромный успех ансамбля «Роллинг-Стоунз» в Москву. Лужники брали штурмом, апокалипсис да и только.

— То, что сейчас считается роком, и у нас, и у поколения двадцатилетних вызывает снисходительную улыбку. Как бы ни называла ее молодежь, это ее музыка. И мы — те, кто слушал рок-н-ролл еще в 56-ом, — тоже трепещем. Хотя я не полностью и душой, сердцем и умом отдан роллингам. Что-то мне не нравилось и тогда, что-то не воспринимаю и сейчас.

— Борис, вы чувствуете свой крест, свою миссию, которая, как и у подобных вам индивидуумов, нередко бывает печальной?

— Один раз я уже пал жертвой пройдохи-менеджера. Надо знать, что как только ты отдаешь другому человеку вожжи от самого себя, ты можешь ставить на себе крест.

— Вы накололись с каким-то там менеджером. А разве у вас нет юриста?

— Нет, и никогда не было.

— А кто же разбирается с пиратами?

— «Аквариум» пираты любят, они вдохновенно нас размножают. Победить же их трудно, надо набраться терпения и ждать, когда они вымрут. На самом же деле, если уж совсем серьезно, пираты делают благое дело, превращая музыку в доступное по ценам удовольствие.

— Но ведь бездарные люди обкрадывают великих музыкантов.

— Дело не в бездарях, а в том, что слишком много коммерческой музыки. Деляги понимают, что при небольшом вложении средств они могут получить большие деньги.

— Скажите, Борис, сколько же может существовать музыкальная группа? Станиславский, как известно, театральной труппе отводил двадцать лет. Таганка и впрямь распалась через двадцать. «Аквариум» в том или ином составе функционирует уже 27 лет. Впереди вечность?

— А сколько можно любить одну и ту же женщину?

— Можно одну минуту, а можно сто лет... Ну да ладно, какова сегодня, по-вашему, самая интересная музыкальная группа?

— Та, о которой я ничего не знаю. Как только люди становятся известными, они мне менее интересны, нежели в процессе становления, роста. Потому что, покрывшись бронзой, они боятся эксперимента.

— А может ли в России, в вашем родном Петербурге появиться новая группа, которая по-новому озвучит эпоху?

— Я все время надеюсь на это. И я как бы ничего не жду, чтобы не разочароваться. Если же кто-то появится — это будет подарком свыше.

— Вы прячетесь от ретивых поклонников? Или таков стиль вашей жизни?

— Иногда я и впрямь бываю сложновыслеживаемым. Последние семь лет мы постоянно ездим по стране и миру. Без передышки. По-другому уже жить не могу: я пребываю либо в студии, либо в поезде.

— Либо в бане, как сейчас. Кстати, что такое для вас парная — некий экзотический ритуал, возможность расслабиться или забота о здоровье?

— Только не забота о здоровье. До пенсии еще далековато, да мне думается, что я до нее не доживу.

Встречались
Феликс МЕДВЕДЕВ,
Леонид ШТЕРН
Тверь — Москва